


Зак, Владимир Григорьевич



Владимир Григорьевич Зак

Страны:  СССР

Дата рождения: 11 февраля 1913

Место рождения: Бердичев

Дата смерти: 25 ноября 1994 (81 год)

Место смерти: Павловск

Награды и премии: 

Влади́мир Григо́рьевич Зак (11 февраля 1913, Бердичев – 25 ноября 1994, Павловск) – советский шахматист и шахматный

литератор, кандидат в мастера спорта СССР (1938), [заслуженный тренер СССР\(1958\)](#).

Инженер-электрик.

Участник [Великой Отечественной войны](#).

Тренер шахматной школы Ленинградского дворца пионеров (1946 – 1986). В числе воспитанников – [Борис Спасский](#), [Виктор Корчной](#), [Лариса Вольперт](#), [Александр Кочиев](#) и 20 мастеров спорта СССР.

Спортивные достижения

Год	Город	Турнир	+	-	=	Результат	Место
1945	Ленинград	Чемпионат Ленинграда				из	
1950		18-й чемпионат СССР (полуфинал)				из	
1951		19-й чемпионат СССР (полуфинал)				из	

Награды[\[править вики-текст\]](#)

- [орден Отечественной войны II степени \(1985^{\[1\]}\)](#)
- [медаль «За боевые заслуги» \(3.02.1945^{\[2\]}\)](#)
- другие награды

Книги

- [Ласкер](#) / В. Г. Зак М. : Физкультура и спорт, 1963
- Зак В. Г. О маленьких для больших. М.: Физкультура и спорт, 1973. 223 с.: ил.
- Я играю в шахматы : [Для ст. дошкол. и мл. школ. возраста] / Владимир Зак, [Яков Длуголенский](#) Л.: Дет. лит. : Ленингр. отделение, 1980
- Пути совершенствования / В. Г. Зак М. : Физкультура и спорт, 1981
- Отдать, чтобы найти! : [Для сред. шк. возраста] / В. Зак, Я. Длуголенский; [Предисл. [М. Таля](#)] Л. : Дет. лит. : Ленингр. отделение, 1988

- *Длуголенский Я. Н., Зак В. Г.* Люди и шахматы: Страницы шахматной истории Петербурга – Петрограда – Ленинграда. – Л., 1988.
- [The king's gambit / V. Korchnoi, V. Zak](#) ; translated by Philip Booth. London : B. T. Batsford, 1974.

ЛАРИСА ВОЛЬПЕРТ:

Желание написать эти воспоминания зародилось как отклик на статью А. Юнеева о В. Г. Заке «Секрет его успехов» («Шахматный Петербург», 2003, N.1). Я полностью солидарна с автором, однако юбилейные статьи (эта была написана к 90-летию со дня рождения) подчиняются «законам жанра» и потому имеют свою специфику. Реально проблема тренерской системы В. Г. Зака сложнее, мнения о ней противоречивее; вопрос в целом заслуживает, на мой взгляд, и других попыток проникнуть в «тайну» его успехов. Кроме того, мне бы хотелось к воспоминаниям А. Юнеева присоединить личную «память».

Было еще два стимула обратиться к этой теме. Меня попросили выступить на республиканском семинаре тренеров Эстонии с рассказом о моих учителях. Согласие повлекло необходимость не только заново перелистать свою шахматную биографию, но и попытаться понять перемены в сущности тренерства за полвека. Что меняется в подготовке шахматистов высшего класса, в чем драматизм *расставания* учителя с учеником, какие изменения внес компьютер? На мой вопрос – надо ли учить компьютеру – тартуский тренер Аксель Рей ответил оптимистически: «Не надо. Современные дети сами научат ему кого угодно». А вот ответ на вопрос – можно ли научить ребенка различать, когда компьютер «замусоривает» мозги, а когда обогащает, – звучал пессимистически: «Нельзя. Зависит от ученика. Попытаться предостеречь можно».

Другим стимулом стала статья обо мне Людмилы Белавенец «А по утрам она летает» («64», 2003, N3). Ее интересовал вопрос: почему в 1964 г. в разгар успехов, в 38 лет, я попросила забрать у меня «стипендию» и ушла из больших шахмат. Это – не праздное любопытство: ее тревожит судьба учеников, как раз самых перспективных. Некоторые, рано добившись успеха, полагали, что смогут атаковать шахматный Олимп, но в какой-то момент надежды рассеялись. Ее ученик Саша Морозевич, ставший гроссмейстером в 15 лет, недавно написал, что вроде бы уже «наборолся» (не «наигрался», разумеется), и, может быть, захочет попробовать свои силы на другом поприще. А пока? Ездить на «О п е н т у р н и р ы »?

Об этой перспективе говорил мне в Нью-Джерси Борис Гулько: «Где играть? О п е н ы в основном – в Европе, лететь через Океан дорого, гостиницы *кусаются*, приз не гарантирован». Подбросил пиццы для размышлений и Виктор Корчной. На мой вопрос – играет ли он в «О п е н а х» – ответил: «Нет. Только по персональным приглашениям, избирательно». И пояснил: «Преимущество возраста». Я поняла: он не просто один из сильнейших игроков мира, но и из немногих, у кого есть своя *Легенда*.

Мысль Л. Белавенец: молодые мастера и гроссмейстеры – люди высокого интеллекта; может быть, им попытаться найти себя на другом поприще, как это сделал Гата Камский? Ведь вопрос: как обеспечить себя? – сегодня стоит весьма остро. Или стать тренером? Но надо, кроме всего прочего, иметь призвание и талант, любить эту работу, которая не сахар, быть готовым к скромной оплате и разочарованиям: «Мрачных дней в работе тренера гораздо больше, чем светлых <...> оценивают нас не по работе, а по результатам этой работы»². Эту горькую мысль высказал Владимир Григорьевич Зак, удачливый тренер, в полную меру насладившийся успехами учеников. С личностью *главного* Учителя моей жизни невольно связывались все вопросы, возникавшие во время этих раздумий.

О нем как о тренере ведутся споры по сей день. Для многих В. Г. Зак представляет немалую загадку. В его тренерской позиции находили много недостатков. Одни писали об его «узких представлениях», отмечали, что его шахматные концепции имели как бы слишком законченный, устоявшийся характер, другие – об излишней педантичности, налете «начетничества». Самым суровым критиком был Марк Тайманов³, и, как мне представляется, причина в том, что он невольно сопоставлял Зака с Ботвинником. Но сравнение вряд ли корректно: различны и практическая сила, и призвание, и жертвы, принесенные на алтарь *учительства*. Ботвинник до войны во Дворце раз в неделю занимался с шестью кандидатами в мастера, а в старости, во Всесоюзной шахматной школе – с будущими чемпионами. Зак же, как писал Спасский, «не жалея сил и времени» в ущерб семье и здоровью нередко занимался с учениками с утра до вечера. Не забывали отметить, что практическая сила В. Г. Зака была «до определенного уровня» (она приближалась к «мастерской», он проиграл два матча на звание мастера очень сильным противникам, прекрасным аналитикам – Виктору Васильеву и Юрию Авербаху). Отмечали, что подчас он был «зациклен» на одних и тех же схемах и любил выступать в роли носителя абсолютной истины. Может быть, учитывая последний упрек, как бы ретроспективно защищаясь, эпиграфом к книге «Пути усовершенствования» он поставил слова Рети: «Подобно тому, как в

жизни не может быть абсолютных норм, так и в шахматах не существует абсолютных правил».

Некоторые упреки, возможно, в какой-то мере справедливы. Но существенней неоспоримый итог: В. Г. Зак сумел превратить кружок ленинградского Дворца пионеров в легендарную кузницу шахматных «звезд». Разумеется, в создании удивительной школы принимали участие и другие прекрасные тренеры Дворца (А. Черепков, В. Бывшев, С. Хавский и др.), но на раннем этапе детей, отмеченных *знаком Каиссы*, чаще всего «выделял» именно он. Блистательная плеяда гроссмейстеров (Спасский, Корчной, Камский, Салов, Кочиев, Ермоленский, Сосонко, Цейтлин, Фишбейн) и множество мастеров и кандидатов в мастера в разное время учились у него (некоторых он довел только до 12 – 13 лет, но ранний этап в процессе шахматного роста, как известно, один из самых продуктивных).

Как же все-таки ему удалось превратить обыкновенный кружок в знаменитую школу «шахматных звезд»? Сам он простодушно объяснял: «Мне просто повезло с учениками...»⁴. Так, да и не так. Детей надо было заметить, научить и вдохновить. Знаменательно, что и Марк Тайманов в тренерском феномене В. Г. Зака видит непостижимую загадку: «... примечательно, что из его рук выходили шахматисты совершенно различного стиля игры высочайшего класса. Вероятно, какой-то секрет у него был»⁵. Еще более решительный ответ дал А. Кочиев: «Зак – тренер высочайшего класса». Очень интересна афористическая оценка Г. Сосонко: «Хороший учитель объясняет. Выдающийся учитель показывает. Великий учитель вдохновляет <...> Владимир Григорьевич Зак был великим учителем шахмат»⁶. Мнение Г. Сосонко располагает к размышлениям: второй уровень – «показывать» – касается практической силы. А вот третий: «вдохновлять»... *на что?* На самозабвенный труд? Бескомпромиссный поиск истины? Или на убеждение, что шахматам *можно и стоит посвятить жизнь?* Скорее всего – последнее. Вот тут и возникает связь с поднятой Л. Белавенец проблемой – как оценка Сосонко соотносится с *сегодняшним* состоянием шахмат. В. Г. Зак работал в другом измерении: в СССР в 50-е годы игра была на *высочайшем пьедестале* (*балет, ракеты, шахматы*). Сталин мог ночью потребовать к телефону сборную страны: *готова ли она к победе над США?* О нынешней, «рыночной» ситуации Владимир Григорьевич Зак и помыслить не мог. На что ориентировать выдающегося ученика сегодня? Однозначного ответа, естественно, быть не может. Он зависит от десятка причин, и, прежде всего – от индивидуальности шахматиста, от степени его влюбленности в шахматы, от его материального положения (увы!) и многого другого.

В. Г. Зак (1913–1994) был разносторонне творческим человеком. Он мог написать отличную шахматную биографию («Ласкер»), полезную книгу для тренеров о методике преподавания («Пути совершенствования»), серьезное историческое исследование о шахматистах Петербурга, Петрограда, Ленинграда. Особенно ему удавались руководства для начинающих и их пап («О маленьких для больших»; «Отдать, чтобы найти»). Увлекательная книжка для малышей «Я играю в шахматы», написанная в соавторстве с детским писателем Я. Н. Длуголенским, яркая, «игровая», с веселыми картинками и остроумными комментариями, пользовалась огромным спросом и выдержала несколько изданий.

Инженер по профессии, кандидат в мастера с 1937 г., В. Г. Зак вспоминал в 1980 г., с каким волнением 40 лет назад он шел в ленинградский Дворец пионеров проводить свой первый урок: «Тогда я еще не знал, что это занятие явится для меня началом деятельности, которой я посвящу *всю свою жизнь*»⁷. Суметь разгадать свое призвание и вовремя «свернуть» на другой путь – удается немногим.

До войны мне посчастливилось несколько раз посидеть на его занятиях; один раз даже выпала особая удача: изучался *Королевский гамбит*. Я на всю жизнь запомнила «*сумасшедший*» вариант с защитой черными пешки f4 и движением «g7–g5–g4». Пару раз я попросила его «посмотреть» мою партию, проанализировать эндшпиль, у нас явно налаживался учебный контакт. Однако нападение Германии круто изменило все планы: меня отправили в эвакуацию, В. Г. Зак пошел на войну. Провоевал с начала до конца, рассказывать о ней не любил; я только теперь, из статьи Алексея Юнеева узнала, что у него были боевые награды.

В 1945 г. во Дворец вернулся после демобилизации В. Г. Зак. Оказалось, что он числит меня среди «своих» («не беда, что студентка»). Он предложил мне использовать в полную меру дворцовский клуб: играть там в турнирах, продолжить занятия с ним, ходить на уроки других тренеров. Это было так заманчиво!

Именно он стал Главным Учителем моей шахматной жизни. Он занимался со мной с 1945 по 1958 год, то есть в был период моих высших достижений. Хотя инициатива занятий исходила от него, не думаю, чтобы эта перспектива его сильно привлекала. Он любил вводить ученика в волшебный мир шахмат *с самого начала, с азов*, а я была вполне взрослой, студенткой 2-го курса, и в шахматах отнюдь не была новичком. Зато для меня его предложение было большой удачей: я быстро выполнила сначала второй, а позже – и первый разряд.

Уроки, насыщенные и очень информативные, как правило, проходили у него дома. Там я нередко встречала 9-летнего Бору Спасского и 14-летнего Виктора Корчного; оба – без отцов, оба обрели в этой семье как бы *второй дом*, оба частенько оставались обедать. Как известно, послевоенные годы были нелегкими. Для тренера с тощей зарплатой и большой семьей (жена и две маленькие дочки) тем паче. С едой в те времена была «напряженка» (помню, какими ликующими криками встречали мы в Киевской гостинице Москвы – шло первенство СССР 1947 года – появление Дэвика Бронштейна *сизысканным угощением* – двумя буханками хлеба), но для двух мальчиков в этом добром доме обед всегда находился.

В. Г. Зак был строгим тренером и обаятельным человеком: «Всем были известны его высокая требовательность и строгость к ученикам, принципиальность в отношениях с коллегами, педантичность и пунктуальность, но его уважали потому, что все эти качества вытекали из высоких требований к самому себе»¹⁰. Он всегда стремился знать домашнюю жизнь ребенка, быт семьи, боролся за нравственное состояние ученика. Характерны зарисовки Б. Спасского и В. Корчного. Первый вспоминает о том, как В. Г. Зак свел его на «Кармен» (с тех пор он полюбил оперу), записал в конькобежную секцию, рекомендовал книги для чтения (Боря особенно полюбил «Принца и нищего» Марка Твена, вспоминал, как он сильно переживал, что «принц» снова станет «нищим»). В таком же духе вспоминает и Виктор Корчной: «Я рос без отца, он погиб на фронте, и Зак во многом заменил его. Я приходил к нему в дом, я был вхож в семью, он лепил меня, как человека<...> Он много сделал для моего человеческого воспитания»¹¹.

Владимиру Гигорьевичу в высшей степени были свойственны «... порядочность, честность и воспитанность в сочетании с твердостью убеждений, чувством собственного достоинства»¹². В начале пятидесятых годов, в момент расцвета государственного антисемитизма, его подвергли травле, одна за другой на кружок сваливались комиссии, имевшие целью изгнание В. Г. Зака из Дворца. Он был убежден, что «теневыми» организаторами травли были Толуш и Бондаревский. Поэтому он так болезненно пережил переход пятнадцатилетнего Спасского после того, как тот выполнил в 1952 г. норму мастера, к Толушу. В. Г. Зак собирался после официального оформления звания тут же передать его другому тренеру и не раз говорил мне об этом. Однако случилось непредвиденное: он уехал со мной на первенство СССР, и в его отсутствие Толуш «переманил» ученика. В. Г. Зак расценил «переход» как предательство. Можно как угодно судить об этой истории, но однозначной оценки быть не может. Я, например, в

прошлые времена, воспринимая все глазами Зака оценивала ее пристрастно. Теперь я признаю неоспоримый факт: истинный «дока» атаки Казимир Толуш очень много дал Спасскому для овладения этим искусством. Объективно «переход» был нужным и конструктивным, вот если бы его еще и *по-человечески* провести! Дошло до меня и другое: в шахматах, если тренер еще «играет», ученик *должен* стремиться его *победить*; честь и слава *Учителю*, сумевшему смирить самолюбие и порадоваться своему поражению. Последнее я поняла, вспомнив, как болезненно перенес В. Г. Зак случайно дошедшие до него неосторожные слова шестнадцатилетнего Корчного, мол, он готов проиграть всем, лишь бы выиграть у Зака (что он и сделал в чемпионате Ленинграда; думать так можно, но зачем же *вслух?!?*)

Отношения с учениками редко складываются безоблачно, такова жизнь. Что касается Спасского, то он много раз пытался из Парижа наладить контакт с первым тренером. В. Г. Зак на сближение принципиально не шел. И только когда он лично отыскал его на даче и предстал с повинною пред очи *Учителя*, контакт налачился. Не менее сложно развивались отношения Зака и с Виктором Корчным. В исследовании «Люди и шахматы» (история шахмат в Ленинграде) он не упомянул имени «невозвращенца» Корчного: в ином случае книга вряд ли увидела бы свет. Думаю – он сильно терзался, и именно поэтому поспешил сам ее послать Виктору: «...он мне написал письмо, что лучше такая книга, чем никакая, а я ему ответил, нет – лучше никакая книга, чем вранье. И после этого между нами не было уже никакого контакта»¹³ (исследование вышло в 1988 г., в перестройку, но ведь тогда книги лежали в издательствах по много лет). Однако, когда в конце жизни Владимир Григорьевич тяжело заболел, оба ученика не бросили его в беде. Спасский устроил его в престижный дом хроников в Павловске, что было совсем не просто (у В. Г. Зака там была своя комната с туалетом и душем). Оказавшись в Ленинграде, я немедленно поехала к нему. Владимир Григорьевич, как показалось, меня узнал, обнял и заплакал. Я постаралась сделать, что могла, постирала что было, уехала с тяжелым сердцем. Вечером позвонила Виктору, рассказала о поездке и сообщила, что больному требуется сиделка. Он без раздумий ответил, что будет посылать ежемесячно двести долларов... сразу же выслал в первый раз, но второго – увы! – не потребовалось.

Как шли наши занятия? Своей первой задачей Владимир Григорьевич считал развитие комбинационного зрения. Бытовало ошибочное мнение, что Зак преимущественное внимание уделяет *позиции*. Это не так. Он сам был шахматистом активно-позиционного стиля, любил атаковать, обладал острым

комбинационным зрением и был убежден, что шахматная учеба должна начинаться с овладения *атакой* и *комбинацией*.

Примечательный факт: первым, главным, неизбежным дебютом для всех был *королевский гамбит*. Во Дворце над этим дебютом реял какой-то особый ореол. Показательны воспоминания Б. Спасского: «... это он королевскому гамбиту меня научил, и королем научил вперед выходить в дебюте, не бояться <...> так я стал королем королевского гамбита в XX веке, ведь я по существу один его и играл»¹⁴. Справедливости ради заметим, что все же первым был не он, а Давид Бронштейн, который в сороковых годах одержал им не одну блистательную победу.

Однако, как только ученик дорастал до уровня самостоятельного выбора дебютных схем, В. Г. Зак не оказывал ни малейшего нажима. Я, например, довольно быстро поняла, что тяготее к закрытым дебютам, обратилась к ним – и уже на всю жизнь. В. Г. Зак помог мне «разгадать» себя: до сих пор самое большое наслаждение доставляет мне логичная, цельная, последовательно проведенная партия. В понимании позиции я сильнее, чем в атаке; в моем умении наметить план и последовательно его провести – немалая заслуга учителя. Н. Гаприндашвили писала обо мне в книге «Предпочитаю риск»: «Позиционный зажим по всем правилам – это всегда было ее самым сильным оружием. Если уж соперница давала ей такой шанс, Вольперт не упускала его никогда. Вот почему, кстати, Вольперт была для меня долгое время трудной партнершей <...> Лариса Ильинична очень искусно пользовалась моими тогдашними позиционными промахами и строго наказывала как за них, так и за неуважительное отношение к позиционной борьбе вообще»¹⁵.

В. Г. Зак очень много уделял внимания переходу из дебюта в миттельшпиль, пешечному костяку, легким фигурам в связи с ним. От меня он вначале хотел, чтобы я хорошо видела доску, и велел сыграть 30 партий вслепую. Мой муж великодушно согласился (я кричу из кухни ходы, он делает их на доске), все партии проиграл, но стойко «испил чашу» до дна. В. Г. Зак приучал учеников самостоятельно анализировать сыгранную партию и давать к ней письменный комментарий, а уж потом – анализ вместе. Он был недоволен моей боязнью риска (я очень редко в первенствах СССР проигрывала) и настаивал, чтобы я приносила ему *ноль* и *очко*, а не *две половинки*.

Мои самые большие успехи были связаны с ним: 3 раза чемпионка СССР (1955; 1958, 1959); второе место в турнире претенденток 1955 г. третье – в турнире претенденток 1959 г. После этого турнира он, к моему огромному огорчению, неожиданно

объявил: «Я дал вам все, что мог. Теперь – полезнее поучиться у других». – «Но я не хочу никого другого». – «Так надо. Я утратил веру, что вы сможете завоевать Олимп». – «Ну и что? Я и сама ее давно утратила». – «Тренер шахматистки такого класса должен подобную веру иметь. Вам подошел бы П. Е. Кондратьев». Переубедить его было не возможно. Я не понимала – *почему?* Почему он отказывается от престижной шахматистки, от успеха, от заработка в конце концов (ДСО «Труд» по тем временам платило неплохо). Только теперь, восстановив ход событий, я его поняла. Разрешу себе краткий экскурс в прошлое. В турнире претенденток 1955 г. я опережала Рубцову за три тура до конца на очко; мне оставались аутсайдеры. Видимо, в тот момент мой тренер не сомневался: матч с Быковой – *наш!* Но, увы! я сделала три ничьи, а Ольга Николаевна Рубцова все три партии выиграла. Интересный нюанс. Как я узнала позже, она ходила к моим противницам и сказала приблизительно следующее: «Лариса молода, у нее все впереди. А для меня это – последний шанс. Очень прошу – постарайтесь сделать ничью». Упрекнуть ее не в чем: вполне лояльный психологический прием. К тому же по возвращении мой отец, хороший шахматист и психиатр, спросил: «А может быть, ты устала?» – «Не похоже». Просмотрев злополучные партии, он поставил диагноз: «Усталость. Возбуждение превалирует над торможением, пускаешься в атаку, как пьяный автоматчик...» Действительно, я без всяких оснований почему-то *с места* бросалась атаковать, оказывалась у разбитого корыта и ... соглашалась на ничью. Примечательно, что лично я перенесла финишные неудачи *легко и безболезненно*. А вот В. Г. Зак – совсем *не легко*. Он даже не пожелал остаться на банкет и уехал в тот же день. Только теперь я осознала, какое глубокое разочарование я ему принесла и как эгоистически мало я думала о его огорчениях. Но в тот момент он, видимо, все же продолжал верить в мои возможности. И только в 1959 г., когда со второго места в турнире претенденток я «съехала» на третье, он окончательно утратил надежду на завоевание Олимпа и отказался от меня сам. Может быть, история со Спасским научила его расставаться с учениками решительно и быстро.



«Хороший учитель объясняет. Выдающийся учитель показывает. Великий учитель вдохновляет... Владимир Григорьевич Зак был великим учителем шахмат», - писал Геннадий Сосонко, который был вначале учеником, а потом и коллегой выдающегося тренера.

Владимир Зак не сразу понял, что работа с юными шахматистами - его призвание. Свой трудовой путь он начал рабочим на оптико-механическом заводе, затем окончил институт и работал инженером. А по вечерам, «для души» занимался во Дворце пионеров с юными шахматистами пятого разряда.

«В 1941 году он ушел на фронт добровольцем и прошел почти всю войну с оружием в руках. Он не очень-то любил рассказывать нам об этом периоде своей жизни, а на мои расспросы о войне всегда отвечал односложно или переводил разговор на другие темы» - вспоминал его ученик, известный петербургский тренер Алексей Юнеев. А ведь у Зака были боевые награды, но он ими никогда не хвастался...

В 1946 году Владимир Григорьевич вернулся в ленинградский Дворец пионеров и проработал там 40 лет. В числе его воспитанников - Борис Спасский, Виктор Корчной, Лариса Вольперт, Александр Кочиев, Алексей Ермолинский, Валерий Салов, Гата Камский, а также множество мастеров.

Лариса Вольперт, профессор, одна из сильнейших шахматисток мира в середине прошлого века, вспоминала: «Уроки, насыщенные и очень информативные, как правило, проходили у него дома. Там я нередко встречала 9-летнего Борю Спасского и 14-летнего Виктора Корчного; оба – без отцов, оба обрели в этой семье как бы второй дом, оба частенько оставались обедать. Как известно, послевоенные годы были нелегкими. Для тренера с тощей зарплатой и большой семьей (жена и две маленькие дочки) тем паче. Но для двух мальчиков в этом добром доме обед всегда находился».

Виктор Корчной: «Я рос без отца, он погиб на фронте, и Зак во многом заменил его. Я приходил к нему в дом, я был вхож в семью, он лепил меня как человека... Он много сделал для моего человеческого воспитания». По словам Бориса Спасского, первый тренер многое сделал не только для его шахматного развития, но и для общечеловеческого воспитания. Именно Зак познакомил маленького Борю с оперным искусством, записал в конькобежную секцию, рекомендовал книги для чтения. А кроме

того, «пробил» в спорткомитете для юного Спасского стипендию, и для бедной семьи это стало большим подспорьем. До войны Зак занимался у известного шахматиста, теоретика и тренера Петра Арсеньевича Романовского, в 1938 году стал кандидатом в мастера - тогда это было очень высокое и редкое звание. В послевоенные годы сыграл два матча на звание мастера, но уступил очень сильным противникам - Виктору Васильеву и Юрию Авербаху. Впрочем, он довольно скоро отошел от практической игры, с головой погружаясь в заботы о своих учениках. В 1958 году Владимиру Григорьевичу Заку было присвоено звание заслуженного тренера СССР. «Он помнил дни рождения и житейские проблемы многих учеников и их родителей, старался по мере сил помогать, а если это было необходимо, то не жалел времени и обращался в любые партийные и государственные инстанции. Для него превыше всего были интересы дела, которому он посвятил свою жизнь. Он буквально выкладывался и мог поставить все на карту, если был уверен, что это даст необходимые результаты. Он не жалел себя ради тех учеников, которых считал перспективными и был на всё готов ради того, чтобы расчистить им дорогу» (А. Юнеев). Владимир Зак был талантливым автором-популяризатором шахмат. Его перу принадлежат, например, такие книги, как «Ласкер», «Пути совершенствования», «О маленьких для больших», «Я играю в шахматы» (в соавторстве с Я. Длуголенским).



Александр Рошаль и Владимир Зак, 60-е годы

Александр Кентлер. СЫН СТАРОГО ЗАКА

«В клубе совторгслужащих Петр Арсеньевич Романовский подвел его, робеющего, к столику, за которым играл блиц Левенфиш:

– Познакомьтесь, Григорий Яковлевич, это – Володя Зак.

– Как же, как же... – отвечал Левенфиш, не отрываясь от игры.

– Володя подает большие надежды...

– Знаю, знаю, – продолжал маэстро, делая ход, – Володя Зак, сын старого Зака...»

Так состоялась первая встреча знаменитого шахматиста и тренера. О ней любил рассказывать Владимир Григорьевич Зак, она же описана в эссе Генны Сосонко «Подводя итоги».

Сразу же оговорюсь, что дальнейшее повествование не будет связано с выдающимся детским шахматным педагогом, но будет иметь непосредственное отношение к питерскому шахматному сообществу.

В книге Полины Венгеровой «Воспоминания бабушки», рассказывающей о жизни в XIX веке трех поколений семьи Эпштейн из Бобруйска, нет ни одного слова о шахматах.

В зажиточном семействе было много детей. Одной из важнейших была задача удачно выдать дочерей замуж.

Полина вышла за Хонона из Конотопа. У этой пары родился сын, ставший впоследствии выдающимся литературоведом Семеном Афанасьевичем Венгеровым (1855 – 1920), вырастившим на своих пушкинских семинарах целую плеяду блестящих филологов (в них участвовали В.Жирмунский, Ю.Тынянов, Б.Томашевский, Б.Эйхенбаум).

Другая сестра – Елена – стала женой Зиновия Алапина. Их сын Семен Алапин (1856 – 1923), успешный коммерсант, стал выдающимся шахматистом и теоретиком (автор дебюта Алапина, вариантов в сицилианской и французской защитах, испанской партии, гамбите Эванса).



С.З.Алапин

Родители делали все возможное для того, чтобы нажитое не пошло за пределы дома. Поэтому некоторые браки заключались с близкими родственниками. Так,

еще одна сестра Полины, Екатерина, стала женой двоюродного брата – Абрама Исааковича Зака.

А.И.Зак (1828 – 1893) совершил блестящую карьеру. В 1871 году он возглавил учетный и ссудный банк в Санкт-Петербурге. Именно по его совету был создан золотой фонд России, благодаря которому стране удалось без потрясений выйти из русско-турецкой войны. Абрам Исаакович входил в многочисленные комиссии Государственного совета по финансам, экономике и железным дорогам, стал действительным статским советником, кавалером многочисленных орденов и очень богатым человеком. В 1874 году приобрел в Петербурге особняк Раевского (Чайковского, 32).

Заку предлагали стать товарищем министра финансов России с условием крещения в православие, но он гордо отказался и продолжал жертвовать средства в еврейские организации. На строительство хоральной синагоги в Петербурге он, к примеру, внес 10 тысяч рублей.

Детей в семье Зака не было. Когда Абраму Исааковичу было 55 лет, у него родился внебрачный сын, матерью которого была Наталья Ильинична Смирнова (в девичестве – Мартьянова). Она состояла в браке с Александром Дмитриевичем Смирновым (товарищ обер-прокурора сената, действительный статский советник). Родившийся мальчик стал Александром Александровичем Смирновым.



А.А.Смирнов

Профессор А.А.Смирнов (8.09.1883, Москва – 16.09.1962, Ленинград) – известный литературовед, медиевист, основоположник российской кельтологии, шекспировед, переводчик Шекспира, Мольера, Лопе де Вега, Лафонтена, Сервантеса, Мопассана, Стендаля, Дидро и многих других авторов. В круг его знакомых входили Гиппиус, Мережковский, Ахматова, Волошин, Бальмонт...

О его происхождении в начале прошлого века первым поведал, сославшись на признание Смирнова, Александр Бенуа. Да и сам Александр Александрович в 1902 году опубликовал поэму «Принц Иуда»:

В моих жилах течет кровь библейских Пророков,
В моих жилах течет кровь библейских Царей.
И звучат голоса неотступных намеков
Дни и ночи в крови беспокойной моей.
Я, еврейский царевич, заброшен судьбою

В дальний край непонятных и чуждых людей.
Окруженный враждебно-холодной толпою,
Я влеку вереницу томительных дней...
Словно хрупкий цветок палестинского края,
Возлелеянный роскошью южных долин,
Вдалеке от отчизны своей умирая,
Молча гибну один среди северных льдин.
Но когда, на лучах золотого светила,
Мне привет из отчизны приносит весна,
В мою грудь возвращаются вешние силы,
Я пытаюсь проснуться от тяжелого сна.
Поднимается кровь на великую битву,
В ней – наследье отцов, в ней призывы веков.
И несусь последнюю к Б-гу молитву:
«Будь ко мне милосерден, Г-сподь Саваоф!»

Позднее о происхождении Смирнова писала Ольга Фрейденберг в письме к Борису Пастернаку. В последние годы факт отцовства Зака вошел в многочисленные работы (Романа Тименчика, Татьяны и Анатолия Белогорских) и справочники (биографический словарь «Русские писатели 1800 – 1917», биография Александра Александровича в интернете).

А.А.Смирнов, после окончания 7-й гимназии, поступил в 1901 году в Санкт-Петербургский университет на физико-математический факультет, через год перевелся на историко-филологический (романо-германское отделение).

В 1905 – 1908 годах обосновался в Париже и путешествовал по Британии и Италии. По свидетельствам очевидцев, жил за границей на «широкую ногу» (судя по всему, получил большое наследство от отца). В 1911 году, уже получив диплом в университете (был оставлен в нем приват-доцентом), снова уезжает за границу и возвращается в Петербург два года спустя.

После революции (с 1918 по 1922 год) преподавал в Харьковском, затем – в Крымском университетах (в Симферополе).

С 1922 по 1958 годы – преподаватель ЛГУ (во время войны – в эвакуации в Ярославле). В 1934 году стал профессором, в 1937-м – доктором филологических наук.

В 1927 году совершил новое путешествие по Европе. Среди стран, в которых побывал А.А.Смирнов, Италия. В Риме после революции жили его мама и сестра...

Профессор был дважды женат. Вторая жена – художница О.Г.Чеховская – скончалась в 1969 году. Продолжателей рода не оставил.

Несколько слов о шахматной деятельности Александра Александровича.

В 1912 году он стал чемпионом Парижа. Год спустя прилично сыграл в турнире первой категории в Санкт-Петербурге (4,5 из 9). Участвовал в ленинградском турнире в январе 1925 года, выигранном Е.Боголюбовым и П.Романовским (набрал 2,5 из 9, впереди Я.Рохлина) и в матче Ленинград – Москва (1926 год). Сведения о том, что А.Смирнов играл в чемпионате Ленинграда 1925 года (о чем, в частности, сообщает энциклопедический словарь «Шахматы», М. 1990), не соответствуют действительности.

Был одним из организаторов и членом редколлегии «Шахматного листка», редактором «Словаря шахматиста» (Л, 1929) и переводчиком книг Алехина, Капабланки, Ласкера, Эйве, Тартаковера, Рети, Торре...

Приведу небольшую цитату (автор – С.Дудаков):

«Проф. А.А.Смирнов, тонкий ценитель шахмат (автор известной в свое время книги «Красота в шахматной партии», Л., «Академия», 1925), пишет об Алапине как о фигуре более значительной, чем Шифферс. Бескорыстное отношение к шахматной игре, полное отсутствие спортивного подхода – вот причины средних успехов этого мастера. Смирнов пишет:

«Это был подлинный мыслитель (кстати, незаурядный философ-любитель), для которого цель партии состояла не в выигрыше, а в объективном исследовании истины».

Теперь можно не удивляться обширному некрологу, опубликованному в 1923 году в «Шахматном листке» после смерти Алапина – «злейшего врага» Чигорина, а также тому, что профессор благоговел перед Семеном Зиновьевичем: ведь Алапин, так же, как и другой Семен – Венгеров, были троюродными братьями Александра Александровича Смирнова, «сына старого Зака».

P.S. В Пушкинском Доме (Институте русской литературы) хранится архив А.А.Смирнова. Некоторые документы имеют отношение к шахматной деятельности ученого. Они ждут исследования.

11.02.2008 Алексей Юнчев. СЕКРЕТ ЕГО УСПЕХОВ



Владимиру Григорьевичу Заку, заслуженному тренеру СССР, 11 февраля 2003 года исполнилось бы 90 лет. В его долгой и плодотворной тренерской деятельности привлекало внимание великое множество подготовленных им шахматистов высокой квалификации, среди которых были гроссмейстеры В.Корчной, Б.Спасский, Л.Вольперт, А.Кочиев, А.Ермолинский, В.Салов, Г.Камский, много мастеров и целый легион кандидатов в мастера. Среди учеников В.Г.Зака и автор этой статьи. По воле судьбы я работаю тренером по шахматам и по прошествии времени имею все больше и больше возможностей оценить сотню достижений Владимира Григорьевича в тренерской деятельности. Как-никак, истина познается в сравнении...

Не сразу он нашел свое призвание. Пять лет трудового стажа на ГОМЗе (это Государственный оптикомеханический завод, в дальнейшем, Оптико-механическое объединение — ЛОМО) рабочим, затем — институт, диплом инженера связи, достаточно успешная работа по специальности. Но шахматы тянули к себе все больше и больше. Со дня открытия шахматного клуба во Дворце пионеров он занимался там с группой шахматистов пятого разряда — это была работа по совместительству. Таким было начало его тренерской деятельности...

В 1941 году он ушел на фронт добровольцем и прошел почти всю войну с оружием в руках. Он не очень-то любил рассказывать нам об этом периоде своей жизни, а на мои расспросы о войне всегда от вечал односложно или переводил разговор на другие темы. О том, что у него были боевые награды, я узнал совсем недавно...



С Борисом Спасским, 1948 год

В 1946 году Владимир Григорьевич вернулся во Дворец Пионеров — уже надолго. Постепенно любимая работа захватила его, и он жертвовал ради нее всем, как, впрочем, и другие педагоги, которые вместе с ним создавали шахматный клуб Дворца, прославившегося на весь Советский Союз. Чтобы целиком посвятить себя воспитанию новой шахматной смены, пришлось отказаться от выступлений в соревнованиях (как это мне знакомо и близко!). Зато результаты напряженной работы с молодежью не замедлили сказаться. За долгие годы тяжелой работы В.Г.Зак вырастил множество сильных шахматистов, которые показывали выдающиеся результаты. Эти успехи перечислялись во многих статьях, посвященных деятельности Владимира Григорьевича. Действительно, его достижения впечатляют. В чем же заключался секрет его успехов?



Команда Ленинграда — чемпион СССР среди юношей 1949 года.

Стоят: В.Корчной, Ю.Ганкин, А.Лутиков, Б.Спасский, В.Кондратьев, В.Лявданский; сидят: С.Автономов, В.Зак, А.Толуш, А.Геллер, В.Старухин и В.Захаров

Существует мнение, что ему бы по легче работать, чем другим трем, поскольку у него всегда ока зывались наиболее способные ученики. Многие молодые педагоги считают, что раньше было легче работать, потому что тогда не было компьютеров и связанных с ними проблем, и не надо было так напрягаться, изучая теорию дебютов. И конкуренция раньше в шахматах в городе и в стране была не такая острая...

Наверно, в этих словах есть доля истины, но смешно списывать стабильные многолетние успехи выдающегося тренера на эти факторы.

Его практическая сила игры была около мастерского уровня, но, наверное, не это предопределяло его успехи, как он часто заявлял в различных выступлениях и в своих книгах, посвященных тренерской работе. Гораздо более существенными факторами были его яркое комбинационное зрение, широкая эрудиция и искусство анализа. При этом, насколько я помню, он был не просто хорошо информирован в области теории дебютов (что, кстати, было непросто именно в отсутствие компьютеров!), но и старался сам анализировать наиболее интересные с его точки зрения варианты — прежде всего, такие, в которых борьба носила острый, динамический характер или было нарушено соотношение сил, например, вариант Рубинштейна в сицилианской защите, ленинградский вариант защиты Нимцовича, некоторые разветвления системы Ботвинника и системы Нотембома в отказанном ферзевом гамбите. Многие его анализы в области дебюта еще до сих пор цитируются справочниками и энциклопедиями. У него, как и у многих передовых тренеров того времени, были толстые тетради, в которых он своим мелким аккуратным почерком собирал дебютные варианты, выписки из журналов и турнирных бюллетеней и свои собственные разработки. Обычно В.Г.Зак старался сам все показывать, но иногда не хватало времени, и тогда он давал ту или иную тетрадь в руки ученикам (далеко не каждому выпадало такое счастье!). При этом он открывал тетрадь на нужной странице, но мы-то, пользуясь его доверием, лазили

по всей тетради и переписыва ли себе не только то, что он просил нас разобрать. Именно в этой тетради в конце 1960-х годов я впервые увидел анализы варианта защиты Грюнфельда 1.d4 ♟f6 2.c4 g6 3.♞c3 d5 4.♟f3 ♠g7 5.Jb3 dc4 6.Jc4 0-07.e4 a6, который много лет спустя стал называться венгерским и приобрел большую популярность на самом высоком уровне. Как сейчас помню, он мне так понравился, что я сам начал играть черными защиту Грюнфельда и очень удивлялся, почему у меня не получается...



С В.Захаровым, В.Корчным, Ю.Ганкиным, 1949 год

Меня всегда поражала высокая работоспособность Владимира Григорьевича. Каким-то образом ему удавалось совмещать напряженную тренерскую работу с интенсивной литературной деятельностью. Его первая книга «Ласкер» и сейчас высоко ценится квалифицированными шахматистами. Своим богатым тренерским опытом он поделился в работе «О маленьких для больших». Эта книга стала прекрасным помощником для многих начинающих и опытных шахматных педагогов, а также для родителей. Когда я начал работать тренером, для меня она долгое время служила настольной книгой, пока я не дал ее кому-то почитать. Очень много сил Владимир Григорьевич посвятил работе над монографией «Пути совершенствования», которая стала как бы продолжением его книги «О маленьких для больших». Без сильного преувеличения можно назвать эту книгу ценным вкладом в шахматную литературу, посвященную обучению тренеров. Несмотря на небольшой объем и внешнюю неброскость, книга насыщена важными и полезными материалами, как для тренеров, так и для шахматистов, которые хотят повысить свой класс. В этой работе затронуты важнейшие проблемы, к которым ранее на серьезном уровне практически не обращались. Не случайно эта книга выдержала два издания большим тиражом в Советском Союзе, а также издавалась за рубежом с некоторыми сокращениями.



С чемпионом СССР 1960 года В.Корчным

Очень красивая книжка «Я играю в шахматы» вышла у Владимира Григорьевича в соавторстве с детским писателем Я.Н.Длуголенским. Это была одна из первых попыток создать красочное пособие в игровой форме для маленьких начинающих шахматистов. Эта книга выдержала еще два переиздания, но всегда была редкостью. Впоследствии появились и другие пособия для детей в том же жанре, но книга «Я играю в шахматы» — одна из лучших.

Еще одна интересная книга, на мой взгляд, полезная как для юных шахматистов, так и для тренеров — «Отдать, чтобы найти!» — вышла в свет в 1988 году, когда автору исполнилось уже семьдесят пять лет. В ней Владимир Григорьевич еще раз на интересных примерах рассматривает свои любимые разделы шахматного искусства, связанные с нестандартным соотношением сил и интуитивными жертвами. Надо подчеркнуть, что Владимир Григорьевич всегда либо старался подбирать «свежие» примеры для своих книг, либо заново комментировал те партии, которые уже когда-то появлялись в печати. Он был чрезвычайно щепетлив и всегда старался указывать авторов идеи или варианта, либо автор фрагмента комментариев, без которых он не смог обойтись в своих работах. Все печатные работы Владимира Григорьевича сделаны на высоком профессиональном уровне. С особой придирчивостью он относился к анализам вариантов и точности излагаемых фактов. Я помню, как он просил нас с Леонидом Юдашиным помочь ему проверить его анализы и оценки вариантов в книге «Пути совершенствования». При этом он добивался, чтобы я тщательно все смотрел, а если ему казалось, что я невнимательно проверяю варианты, он был очень недоволен. Насколько я помню, нам тогда удалось найти не сколько промахов в анализах, но в целом их было немного. При этом вызывал уважение подход В.Г.Зака к этой работе. Он не избегал длинных запутанных вариантов (а компьютера у него, конечно, не было) и непременно хотел докопаться до истины, не жалея времени и сил. Он старался быть объективным и никогда не подгонял оценку позиции под результат партии, не находился под впечатлением имен и рейтингов. А сколько времени он провел в Публичной библиотеке, выискивая нужные ему факты для работы над книгой о шахматистах Петербурга — Петрограда — Ленинграда! С особой тщательностью он подбирал и проверял факты шахматной биографии нашего города до революционного периода. Именно этот раздел книги

вызывает наибольший интерес, хотя в целом он был недоволен этой своей работой.



*С заслуженными тренерами СССР
Г.Гачечиладзе и В.Карселадзе, Тбилиси, 1959 год*

Вспоминая Владимира Григорьевича, нельзя обойти молчанием специфические особенности его характера, о котором давно сложены легенды. Всем были известны его высокая требовательность и строгость к ученикам, принципиальность в отношениях с коллегами, педантичность и пунктуальность, но его уважали потому, что все эти качества вытекали из его высоких требований к себе самому. При этом строгость не мешала часто быть предельно чутким и отзывчивым к людям. Он помнил дни рождения и житейские проблемы многих учеников и их родителей, старался по мере сил помогать, а если это было необходимо, то не жалел времени и обращался в любые партийные и государственные инстанции. Для него превыше всего были интересы дела, которому он посвятил свою жизнь. Он буквально выкладывался и мог поставить все на карту, если был уверен, что это даст необходимые результаты. Он не жалел себя ради тех учеников, которых считал перспективными и был на все готов ради того, чтобы расчистить им дорогу. Вспоминается много случаев, когда он обращался в высокие инстанции — в Спорткомитет города, России ради того, чтобы перспективных ребят допустили в какие-то соревнования — тогда престижных детских турниров было значительно меньше, чем сейчас, — или улучшили их жизненные условия. При этом он не всегда точно рассчитывал последствия. Например, в конце 1974 года Владимир Григорьевич ради того, чтобы Алексея Ермолинского, тогда еще кандидата в мастера, допустили в первенство СССР среди юношей сверх положенной для Ленинграда квоты, поехал в Москву и убедил тогдашнего государственного тренера сборной СССР среди юношей А.А.Быховского предоставить дополнительное место для Ленинграда. Как это часто бывает в жизни, это принесло тренеру лишь дополнительные хлопоты. Из-за того, что на этом турнире Ермолинский не стал соблюдать режим (попросту говоря, исчез на целую ночь, предоставив своему тренеру только догадываться, где находится несовершеннолетний подросток, за жизнь которого надо было отвечать), между учеником и тренером разыгрался конфликт, который привел впоследствии к ухудшению отношений и разрыву. Любопытно, что через много лет уже опытный гроссмейстер Алексей Ермолинский, проживающий ныне в США, обрушился с резкой и уничтожающей критикой на

страницах журнала «New in Chess», на мой взгляд, необъективной и чересчур эмоциональной, в адрес своего первого тренера и в качестве примера привел именно историю, связанную с конфликтом на том первенстве СССР, считая себя пострадавшей и абсолютно невиновной стороной. Действительно, реакция Владимира Григорьевича, которому в то время было уже больше шестидесяти лет, была слишком резкой: он отказался анализировать с учеником отложенную партию, а после того, как она закончилась, высказал сожаление, что Ермолинский не проиграл ее и тем самым не был наказан за нарушение режима. Владимир Григорьевич все делал по максимуму... Думаю, что эта история стоила ему не одного года жизни. Впрочем, примеряя на себя эти обстоятельства, не представляю, что бы я делал на его месте. Мало кто из тренеров может спокойно переносить внезапное отсутствие учащегося на выезде...



С А.Кочиевым, Бельгия, 1972 год

Много лет спустя Владимир Григорьевич опять повел себя в соответствии со своим характером, когда на первенстве СССР у него случился конфликт с Рустамом Камским, отцом будущего гроссмейстера. Надо еще раз подчеркнуть, что если В.Г.Зак считал какого-нибудь ученика способным, то для него он был не просто готов на все — он действительно делал все, что мог, и считал необходимым. В этом смысле, вероятно, Камскому было дано особенно много. Мало для кого Владимир Григорьевич так выкладывался — не столько в плане шахматных занятий, сколько в плане помощи в решении остальных вопросов, многие из которых даже и не были непосредственно связаны с шахматными перспективами Гаты Камского. Известно, что Владимир Григорьевич, хотя и был безукоризненно вежлив с родителями учеников, старался по возможности не допускать неформальных отношений, и, тем более, категорически не допускал, чтобы родители как-то вмешивались в учебный процесс. Но для Рустама Камского делались практически любые исключения: он мог присутствовать на занятиях и даже предлагать тренеру темы и виды занятий. Видимо, Владимир Григорьевич считал Гату настолько талантливым, что готов был даже действовать вопреки своим взглядам — все больше и больше, по мере того как мальчик подрастал. А на том злополучном первенстве СССР, не найдя в очередной раз общего языка с отцом, Владимир Григорьевич понял, что дальше он не может поступать по принципам, и попросту уехал в середине турнира обратно в Ленинград...

Но гораздо чаще — и мы это видим из длинного списка титулованных учеников В.Г.Зака — его усилия увенчивались успехом. Здесь играли свою роль все качества: и педагогическое чутье, и жизненный опыт, и большие знания, и хорошее тактическое зрение, замешанное на грамотном понимании позиционных основ

шахмат. Видимо, в этом, прежде всего, скрывался секрет успехов Владимира Григорьевича, его тренерский талант. И даже авторы тарный стиль работы, за который публично ругали В.Г.Зака многие его коллеги и ученики (почему-то, в первую очередь, именно те из них, которые добились в шахматах высоких результатов, например В.Л.Корчной и уже упоминавшийся выше А.В.Ермолинский), также способствовал высокой продуктивности работы тренера. Последнее обстоятельство можно понять: если тренер действительно знает, что хорошо, а что плохо для ученика, то авторитарное воздействие позволяет экономить время и удержать на определенном этапе юного шахматиста от многих неудач, которые неизбежны при предоставлении излишней самостоятельности, например, в выборе и разработке дебютного репертуара.

Как вспоминает Галина Михайловна Чернякова, работавшая в Ленинградском городском Дворце пионеров директором с 1962 года на протяжении примерно четверти века, несмотря на сложный характер Владимира Григорьевича, к нему всегда относились с огромным уважением. Больше всего в нем привлекало то, что он боролся за нравственное состояние ребенка, знал его дом, быт, часто приходил к руководству именно с проблемами ребят, которым была необходима помощь, причем далеко не всегда это были его ученики. Он очень заботился о шахматном клубе Дворца, о его высоком престиже. Именно ему принадлежит идея организовывать массовые шахматные мероприятия в красивых залах Аничкова Дворца, часто с приглашением гроссмейстеров для сеансов. Он организовал массовые соревнования младших школьников «Турнир на дежд», которые раньше были очень популярными в нашем городе...



*В первом ряду: Г.Камский, Д.Грудский;
во втором: С.Корт, Т.Кибрик, В.Плоткин;
в третьем: В.Г.Зак и М.Я.Грудский, Одесса, 1985 год*

Действительно, Владимир Григорьевич был одержим работой и шахматами. Он выписывал почти всю периодическую шахматную печать и не жалел на это денег. Все остальное его интересовало значительно меньше, хотя он был человеком культуры и эрудированным. Из частых разговоров с ним я (как, наверное, и многие другие его ученики) почерпнул очень много интересного об этой жизни. Его поведение служило достойным примером для подражания. Порядочность, честность и воспитанность в сочетании с твердостью убеждений, чувством собственного достоинства, гордостью за то дело, которому он посвятил свою жизнь, не могли не вызывать уважение у тех, кто имел с ним дело. Его авторитет помогал собирать во Дворце сильнейших шахматных мастеров Ленинграда для того, чтобы играть матчи со сборной командой школьников. Таких матчей и встреч с гроссмейстерами Владимир Григорьевич организовал очень много, и они производили на юных шахматистов сильный ший эффект. Именно в таких матчах ребята набирали ценного опыта и получали важные сведения в ходе совместного разбора сыгранных партий.

Он обладал своеобразным чувством юмора, мог шутить в самых неожиданных ситуациях, особенно, когда был в хорошем настроении. Я часто вспоминаю забавный эпизод, произошедший как-то раз тогда, когда Александр Васильевич Черепков похвастался перед нами (это было на командных соревнованиях школьников в Сигулде в 1972 году) карточкой «Спортлото» — тогда они только-только появились. Владимир Григорьевич, который увидел эту штуку в первый раз, попросил объяснить, что это такое. Александр Васильевич с удовольствием долго и подробно объяснял, как он зачеркнет правильно шесть цифр из сорока девяти и, может быть, получит много денег — и всего за 30 копеек (именно столько тогда стоила карточка)! Когда он закончил, последовало неожиданное заявление со стороны старшего коллеги: «Знаете, Александр Васильевич, если я когда-нибудь напьюсь до такого состояния, что все-таки куплю такую карточку, то первое, что я сделаю, когда протрезвею, — немедленно продам ее за двадцать или десять копеек, что бы вернуть обратно хотя бы часть потраченных денег!» После этого возникла небольшая пауза никто не ожидал от Владимира Григорьевича таких слов — которую сменил оглушительный смех всех присутствующих. Громче всех, кажется, смеялись оба наших тренера...

В своей книге «Пути совершенствования» Владимир Григорьевич посвятил целую главу особенностям работы тренера, его правам и обязанностям. В отличие от других разделов этой книги и, вообще, всех работ В.Г.Зака, эта глава проникнута пессимизмом по поводу нелегкой тренерской жизни. «...Мрачных дней в работе тренера гораздо больше... О нас судят не по работе, а по результатам нашей работы...» Эти и другие грустные, но откровенные сентенции если не потрясли, то удивили меня. Тогда я еще не имел никакого представления о тренерской доле. Теперь же на своем опыте я не могу не согласиться с моим учителем. Однако я уверен, что у Владимира Григорьевича не было оснований огорчаться ни своей работой, ни, тем более, ее результатами, даже при его высокой требовательности к себе... Тот вклад, который Владимир Григорьевич внес в развитие детских шахмат в нашем городе, в успехи ленинградской шахматной школы, в утверждение ее авторитета, — не оценим, а конкретные результаты его деятельности хватило бы на многих шахматных педагогов и тренеров.